

Купеческая дочь и разбойники

Купец стал за море кораблём поежжать, торговать, а дочь свою оставил дом сохранять. Отец уехал. Как отправился, вдруг розбойники нагнали на золотой кореты. Поставили лисьвицу к окну, а один и в окно полез. Доци не знат, куда деватьця, отцову саблюхватила со спичи и стала за простенок. Розбойник как стал голову в избу запихивать, она его тюкнула отцовой саблей; хотела тюкнуть по шеи, да попалась по уху и отрубила ухо. Он свалился с окна. Розбойники перепáлись, подумали, што сам купец дома, положили товарища в золоту корету и погнали. Доци вышла на уличь, посмотрела за имá вслед, в котору сторону погнали. Обулась, оделась и пошла за имá взади.

Долго-ле, коротко-ле шла по полю и увидела в поли дом превеличающей, большой. В перву избу зашла, всё копя да оружье; в другу избу зашла, всё тела мёртвы лежат; в третью избу зашла, всё женской наряд висит. Вытенула сундук, отворила, в сундуки персней много увидела и стала перстень выбирать, какой ей ндравитця, какой на перст годитця. Выбрала перстень. Вдруг зашумели, загромели, розбойники нагнали на золотых коретах. Не знает, куды деватця, сундук отодвинула, под лавку за сундук забила. Розбойники привезли девку. Сели закусывать, один говорит: «Ах, я жаркого захотел». А другой тащит человецьё мясо. Девка увидела, што едят человекье мясо, стала плакать. Один розбойник сказал девки: «Расширь целюсь-ту». Девка рот расширила, а он вилками ей в рот-от ткнул, у девки голова с плеч покатила. Эту девку стали обдирать платье. Снимать стали перстень, да и перстень покатила, да к купеческой доци под лавку. Та взяла, да себе на перст наложила. Один розбойник говорит: «Надо натти перстень». А другой говорит: — Заутра́ найдём. — Стали розбойники ложиться спать, а онного посадили к дверям караульним. Все розбойники заспали, и караульней задремал, девка выбивачча, выбивачча, тихонько из-за сундука, выбилась, подошла ко дверям. Ти двери — виж! други — виж! третьи — виж! Ушла. Каравульней прохватилса и стал кричать товарищов. Все соскакали, запрегли лошадей и погнали, новóй по онной дороге, новóй по другой, новóй по третьей — все по разным дорогам.

Девка бежала, бежала, нагнала мужика, мужик сено воз везёт. «Ради Бога, мужик, возьми меня, сохрани от розбойников». — «А што, девушка, если я

закладу тебя в воз сена, разбойники нагонят, воз сена разобьют, тебя убьют; тебя убьют и меня не оставят». Побежала девка вперёд. «Ради Бога, не сказывай, што я бежала». Бежала, бежала, настигла церепана, церепан едет, горшки везёт. «Церепан, ради Бога, сохрани от розбойников». — «Разе под горшки закладу». Взял, да ей под горшки и заклал. Розбойники нагонили мужика с сеном, спрашивают: «Не видал-ле кого, человека прохожаго?» — «Нет». На то мужику не поверили, разбили у его воз сена. Настигли церепана, спрашивают: «Не видал-ле кого?» Церепан отпирается: «Нет, не видал». Начали горшки с саней метать. Метали, метали, полвоза сметали. Один разбойник сказал: «Э, робята, не меците церепански горшки, я бывал в церепанской роботы, — церепанска робота чажелá». Послушались розбойники, поворотили назад оттуль. Церепан повёз купецеску доцерь к дому купцову.

Купец в то времё домой прибыл. В то времё розыск, купецьку доць ищут. Купец тут весьма обрадовалса. На другой День приехали розбойники свататця к купцу доцерь. Дочи отцю сказала: «Меня отец отдавай-неотдавай, а вокруг дому каравул солдатов постав». Сватаютца розбойники, сидят в горнични, а дочи стала рассказывать всё, што ей ночесь грёзилось, и всё, што было с ей у розбойников, все розказала, а розбойники слушают, да к каждому слову говорят: «Чуден, девича, твой сон, да к щастью». Потом спрашиват доцерь: «А которой мой богосуженой?» А они указали, у кого ухо отсечено. А он оверценой платком, голова охвацена у его. «А што он у вас платком овертелса?» — «А он у нас хорошей, дак штобы не уркнули». А доци на то сказала: «Говорят-де не смотря товар не купят». Подошла к розбойнику, его розвезала, увидала, што у его ухо отсечено, и сказала: «Батюшко! Самы ти ко мне и подъежжали». Оттуда их поймали и растрелели на воротах.

Поехали к ихному дому, тела мертвый похоронили, копья, оружье царю в казну взяли, а живот весь церепану за сохраненье отдали.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.